

РЕЛИГИОЗНЫЕ СОЧИНЕНИЯ В БИБЛИОТЕКЕ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ В 1811–1825 ГГ.

Аннотация. На материале библиотеки Царскосельского лицея рассматривается проблема целенаправленного формирования фильтров, определяющих интерпретацию «священного ядра» культуры светским «защитным поясом», и демонстрируется влияние идейных установок правительства на особенности религиозного воспитания в Лицее.

Ключевые слова: Царскосельский лицей, «Александровский мистицизм», «священное ядро» культуры, Голицын А. Н.

Д. В. Пивоваров предложил рассматривать культуру как двухкомпонентное явление, состоящее из «твердого ядра» и периферии. «Твердое ядро» содержит сакральные ценности и часто определяется священными текстами. Периферия формируется светскими ценностями, адаптирующими сакральные [5, с. 38]. Однако при анализе священных текстов той или иной культуры важно учитывать способы их интерпретации, которые также часто обусловлены какими-либо текстами. Именно способы интерпретации, выступающие своеобразными фильтрами, определяют индивидуальные особенности культур, сформированных одним священным текстом. Способы интерпретации относятся к «защитному поясу», но максимально близко прилегают «твердому ядру» культуры. Изучение конкретных исторических механизмов интерпретации священных текстов позволяет понять, как именно «твердое ядро» соотносится периферией культуры. Также важно обратиться к тому, насколько возможно осознанно корректировать данные фильтры с целью трансформации светского «защитного пояса». В этой связи представляется интересным рассмотреть попытку использования корпуса литературы, посвященной религиозным вопросам, как инструмента формирования мировоззрения учеников Царскосельского лицея.

Царскосельский лицей, созданный в 1811 г. и предназначенный для подготовки высокообразованных чиновников, стал учебным заведением нового типа. Это нашло отражение и в подборе преподавателей, и в организации учебного процесса, и в своеобразном отношении к вероисповеданию учеников.

Еще в 1810 г., когда шла разработка Устава Лицея, известный католический писатель и дипломат Жозеф де Местр в частных письмах министру народного просвещения А. К. Разумовскому очень настойчиво рекомендовал опираться на опыт иезуитов в организации учебных заведений для мальчиков. Особенно он акцентировал необходимость изоляции учеников от внешней среды. При этом де Местр указывал на необходимость не только пресекать личные контакты с внешним миром, но и контролировать круг чтения лицеистов. В письме от 13 июня 1810 г. читаем: «могу вас уверить, что, если не приняты будут самые строгия меры <...>, недопущения опасных книг и прекращения всякой связи лицеев с миром внешним, общественное мнение вскоре будет осуждать учреждения эти, как школы безнравственности и разврата» [4, с. 267]. Ряд идей де Местра был учтен при организации Лицея.

При создании Царскосельского лицея была предпринята попытка смягчить существовавшее в начале XIX в. противоречие между положением православия как официальной конфессии и большим количеством представителей неправославного христианства в среде высших государственных чиновников. Многие из учеников первого курса являлись выходцами из семей, придерживающихся католического или лютеранского вероисповедания. Уроки Закона Божия до 1816 г. преподавал протоиерей Николай Музовский; позже, недолго, священники Гавриил Полянский и Герасим Павский, а в 1817 г. эта должность была поручена священнику Иоакиму Кочетову. Неправославные ученики освобождались от уроков Закона Божия. При этом католики имели возможность заниматься у пастора католической церкви Царского Села, аббата Цезари. В 1818 г. в Лицей был принят протестантский пастор Гнихтель для преподавания Закона Божьего ученикам лютеранского вероисповедания [8, с. 119–122].

Установка на межконфессиональность отразилась и на библиотеке Лицея. Значительное влияние на ее формирование оказал Александр Николаевич Голицын. Однако его роль не сводилась к пополнению книжного фонда. В своей деятельности он преследовал вполне конкретную цель – через систему образования привить определенной части российского общества (которая, как предполагалось, должна была сыграть в дальнейшем важную роль в политической и общественной жизни страны) ценности внеконфессиональной личной религиозности. Эти религиозные ценности не подразумевали ниспровержения православия, католицизма или иных конфессий. Александр Николаевич исходил из идеи «христианского универсализма» [1, с. 139]. Конечно, речи о слиянии церквей как социокультурных институтов не шло. Сторонники «христианского универсализма», к числу которых принадлежал А. Н. Голицын, исходили из идеи «внутреннего» христианства, т.е. снятия конфессиональных противоречий в рамках индивидуального религиозного переживания.

Еще в 1816 г. А. Н. Голицын передал в Лицей 102 тома из личной библиотеки. И. Я. Селезнев указывает, что большая часть этих книг относилась к изданиям Российского библейского общества [8, с. 75].

В последующие годы, возглавляя объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения, А. Н. Голицын активно использовал служебное положение для распространения сочинений мистического

характера. В частности, он настаивал на том, чтобы в библиотеку Лицея поступали номера «Сионского вестника», выпускаемого А. Ф. Лабзиным. Более того, за счет средств возглавляемого Голицыным министерства в 1820 г. были опубликованы и разосланы по учебным заведениям «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению духа Христова» и «Опыт деятельного учения о действии Святого Духа в душах» [3, с. 115]. Оказались эти издания и в Царскосельском лицее. Отражением протекционизма А. Н. Голицына стало появление в лицейской библиотеке большого количества сочинений Эккартсгаузена, Юнг-Штиллинга, г-жи Гюйон, Дютуа-Мамбрини, а также религиозно-назидательных книг, издаваемых при участии княгини Софьи Мещерской. Кроме того, Голицын в 1819 г. распорядился, чтобы ученики любых учебных заведений утром перед занятиями читали одну главу из Нового Завета, при этом в Лицее было разрешено читать этот фрагмент на французском и немецком языках [8, с. 141]. Соответственно, с данной целью использовался католический или протестантский текст Библии. Кроме того, потребность в большом количестве общеупотребительных молитв, которые лицеисты должны были читать утром и вечером, стала причиной заказа издания 600 экземпляров кратких молитвословов. Скорее всего, столь большой тираж был обусловлен быстрым износом часто используемых текстов. Для неправославных лицеистов соответствующая литература была закуплена. Это, в частности, изданный в 1815 г. католический перевод Нового Завета на французский язык, католический катехизис на немецком языке (1814 г. издания). Каталог лицейской библиотеки 1900 г. упоминает немецкое издание Библии в переводе Мартина Лютера (Санкт-Петербург, 1821 г.) и его же катехизис, выпущенный в Риге в 1812 г. [2, с. 9–10]. На русском языке были представлены переводы «Избранных духовных творений Фенелона» (Москва, 1820–1821 гг.), а также «Исследования о происхождении русского народа» Станислава Богуш-Сестренцевича (Санкт-Петербург, 1818 г.), в которых католический епископ показывал роль римской церкви в ранней истории Руси. Ярким примером произведения, написанного католическим автором, является и экземпляр сочинений Франциска Сальского (Москва, 1818–1819 гг.).

В числе наиболее интересных изданий стоит назвать сочинение И. А. Штарка, переведенное А. Ф. Лабзиным: «Письма к другу и завещание сыну об Ордене св. К.» (Санкт-Петербург, 1816 г.). Несмотря на запрет масонов в 1822 г., эта книга сохранилась в лицейском книжном собрании. Также интересно отметить наличие в библиотеке Лицея небольшой книжки «О скопцах» (Санкт-Петербург, 1819 г.). Это одно из самых первых сочинений, посвященных данному течению. Его автор, Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович, в 1811–1813 гг. был надзирателем по учебной и нравственной части в Лицее, а позже очень близко общался со многими представителями скопчества.

Среди произведений православных авторов можно отметить «Беседы в разных местах и в разные времена говоренные» архиеп. Михаила (Десницкого), ряд произведений архиеп. Евгения (Болховитинова) и «Историю российской иерархии» еп. Амвросия (Орнатского).

В качестве учебных пособий нередко использовались труды самих преподавателей Лицея. Так, в библиотеке находилось сочинение Иоакима Кочетова «Черты деятельного учения веры» (Санкт-Петербург, 1824 г.). Интересно отметить, что цензором этого издания был предшественник автора на посту лицейского законоучителя – Герасим Павский [7, с. 228–229]. Еще одним учебником, написанным преподавателем Лицея, является сочинение Н. Ф. Кошанского «Сокращение священной истории» (Санкт-Петербург, 1818 г.). Данная книга служила пособием по священной истории.

В 1824 г. вектор религиозной политики Александра I изменился. А. Н. Голицына сместили с его поста, и министром народного просвещения был назначен Александр Семенович Шишков, крайне негативно настроенный по отношению к западным веяниям в области религии. Одним из шагов, предпринятых А. С. Шишковым в качестве министра, было распоряжение об изъятии из библиотек учебных заведений 13 сочинений религиозно-мистического характера.

Из перечисленных запрещенных книг в библиотеке Лицея сохранились «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению духа Христова», «Божественная философия» Ж. Ф. Дютуа-Мамбрини, три произведения мадам Гюйон де Ла Мотт, сочинение И. А. Штарка. Кроме того, еще две книги из библиотеки Лицея являются более ранними изданиями сочинений, упомянутых в данном реестре. Факт, что все эти книги не были изъяты, скорее всего, связан с тем, что с 1822 г. Лицей подчинялся не министерству просвещения, а ведомству военно-учебных заведений.

Важно отметить, что свободного доступа к большей части упоминаемой литературы у лицеистов не было. В соответствии с Уставом Лицея ученики младшего курса вообще не имели права читать никакие тексты, кроме классических и учебников, а старшекурсники для получения той или иной книги (за исключением классических и учебных) должны были иметь письменное разрешение кого-либо из профессоров [6, с. 319]. При этом ни воспоминания лицеистов, ни архивы Лицея не дают оснований полагать, что преподаватели хоть в какой-то мере поощряли обращение учеников к подобным авторам. Однако тот факт, что изданные в эпоху «александровского мистицизма», но не одобряемые в последующие периоды тексты продолжали храниться в библиотеке, демонстрирует безвредность данных книг с точки зрения учителей.

А. Н. Голицын пытался через круг чтения выстроить некий фильтр восприятия «твердого ядра» культуры. Предполагалось, что этим фильтром будет культивируемое личное религиозное чувство, приводящее

к нивелированию конфессиональных противоречий. Последний аспект должен был не просто снять ряд противоречий многонациональной империи, но и способствовать позиционированию России как страны, лидирующей на политической арене Европы после победы над Наполеоном.

Однако директивность методов, а также отсутствие поддержки этих идей среди лицейских преподавателей привели к тому, что попытка модернизации религиозной модели на базе Лицея оказалась малоудачной.

Библиографический список:

1. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 2002. 442 с.
2. Каталог Библиотеки Императорского Александровского лицея: Основной отдел. Санкт-Петербург. 1900. 228 с.
3. Котович А. Н. Духовная цензура в России. (1799–1855 гг.). СПб. : тип. «Родник». 1909. 641 с.
4. Местр Ж. М. де. Пять писем графа Иосифа де-Местра о народном образовании к гр. Разумовскому, министру народного просвещения // Семейство Разумовских. Т. 2. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича. 1880. С. 248–287.
5. Пивоваров Д. В. Культура и религия. Сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2013. 244 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 31: 1810–1811. СПб. : тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии. 1830. 955 с.
7. Русские книги из библиотеки Императорского Царскосельского (Александровского) лицея в Екатеринбурге. Т. 1. Отечественные издания, опубликованные до 1830 г., из собрания Отдела редких книг Зональной научной библиотеки Уральского федерального университета. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2015. 616 с.
8. Селезнев И. Я. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб. : В тип. В. Безобразова. 1861. 739 с.

Галвис Гомес Фабио Андрес

INEQUALITY, LIGHT RELIGIOSITY AND THE SICARIO FIGURE IN COLOMBIA¹ AN ATTEMPT TO UNDERSTAND THE SICARIAL RELIGIOSITY ON DARKS 80'S AND 90'S

Abstract. The present text intends to show how the figure of the sicario² is understandable if the links between social inequality, deep-rooted culture of drug trafficking, light culture and light religiosity³ are properly read. The aim of this work is to show that the sicario allows academics to make certain lectures about values, social fracture, religiosity, religion and politics in society. To the above, the sicario will be understood as a powerful contemporary figure which requires more attention.

Keywords: Colombia, violence, drug trafficking, sicario, light religiosity.

1. Brief recount of the violence of the 80s and 90s in Colombia. About how the rise of drug-traffic encourages violence.

Colombia is a country that has a strategic position as the door between Central and South America; It also has one of the greatest wealth of biodiversity and natural resources in the world; however, ironically lives in backwardness, violence and poverty. All the Colombians are affected indirectly or directly, by the rampant corruption and violence that goes back to an endless time, although with different nuances and intensities... but is about the present day that I am interested in talking about.

Due to the eager world in which we live and the power of the globalization, the number of conflicts, the corruption, the hunger and the war have overflowed, and these combinations of elements have been leaving the Caribbean country on the verge of ungovernability. Systematically, throughout history there have been attacks by guerrilla and paramilitary groups, terrorist attacks, massacres, kidnappings, forced disappearances of civilians and social leaders, torture, mutilation, bombs, among other atrocities.

In 2011, the National Center of Historical Memory (Centro Nacional de Memoria Histórica or CNMH, by its initials in Spanish) was created. Since then, this entity has been working on a map of the violence in Colombia, but the numbers are scandalous. The following are just some striking examples: 1) Between 1970 and 2015 60.630 people have been victims of enforced disappearance. On average, it means that every 24 hours there were three missing. 2) Every year there are more than 25.000 deaths due to violence, more than a thousand-people kidnapped, which constitutes 50% of the kidnapped in the world. 3) There have been more than 400 massacres in the country, mostly carried out by paramilitary groups. 4) In the year of 1999, more than 3.500 people were victims of attacks with political background. 5) Approximately there are more than 250.000 forced displacements, mostly due to violence.